

12 ОКТ 1984

Только что законченную поэму о Ленине Маяковский принес в Госиздат, и 3 октября 1924 года был заключен договор об издании книги «Ленин». Но еще до выхода отдельного издания отрывки из поэмы появились на страницах десятков губернских и уездных газет. Три фрагмента под общим заголовком «В. И. Ленин» были напечатаны в ленинградском журнале «Красная панорама» 17 января 1925 года. Публикацию предваряло сообщение о том, что вскоре поэма выйдет в Ленгизе. Книгу ждали с нетерпением, но оценка новаторского произведения была далеко

РОЖДЕНИЕ ПОЭМЫ

В октябре исполняется 60 лет со дня выхода в свет поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»

«НЕ МНОГИМ из нас было дано счастье увидеть товарища Ленина», — говорил Маяковский. Для него это были незабываемые страницы жизни: выступление Владимира Ильича с балкона особняка Кшесинской в апреле 1917 года, штаб революции в Смольном, митинги на петроградских площадях...

Эти живые наблюдения, объединенные радостным признанием: «Моя революция!», помогли Маяковскому почувствовать и понять масштаб совершенного, историческую роль В. И. Ленина.

Я знаю — не герои низвергают революций лагу. Сна. из о героях — интеллигентская чушь! Но кто ж удержится, чтоб славу нашему стих воспеть Ильичу?

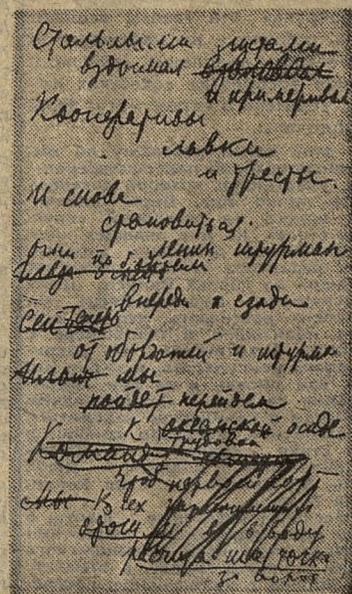
Так со стихотворением «Владимир Ильич!» в творчество Маяковского вошла одна из наиболее значительных тем — «разговор с товарищем Лениным». Не к «стальному наркомуну», не к «железному мессии», излюбленным образам многих пролетарских поэтов, а к Ильичу, как называли «всегда рабочие», обращался Маяковский. Стихотворение было написано в апреле 1920 года к 50-летию Владимира Ильича. Поэт Василий Князев вспоминал, что, услышав его в Доме печати в исполнении автора, не смог произнести свои стихи «...о буревестник мировой, бушующий миллионными руками». «Буквально испугался их велеречивого пафоса», — говорил он. Однако Маяковский более двух лет не публиковал стихотворение, словно проверяя его временем. Это первое произведение поэта о В. И. Ленине увидело свет в Петрограде в канун 5-й годовщины Октября на страницах «Красной газеты».

Спустя два года ленинградский еженедельник «Жизнь искусства» сообщил читателям: «В. Маяковский закончил большую поэму о Ленине. Эта поэма по грандиозности замысла и по силе охвата темы превосходит все раньше им написанное». В автобиографии «Я сам» работа над произведением отмечена кратко — в главе «23-й год»: «Начал обдумывать поэму «Ленин». В следующей главе, «24-й год»: «Закончил поэму «Ленин»...».

В Государственном музее В. В. Маяковского хранятся записные книжки поэта под номерами 23 и 24. Они показывают процесс работы над поэмой. По их страницам можно проследить, как изводились «единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Требовательно пересматривал поэт свой поэтический арсенал. Об этом красноречиво говорят даже строки, не вошедшие в текст поэмы:

Голос выскребу
будет резок
чтоб от рифмы
не мяк, а креп
чтобы просто правду резал,
как режешь
ножом хлеб

Не многие знали об этом сложном, порой мучительном пути становления личности поэта, прикоснувшегося к ленинскому образу.

не единодушной. Это была борьба, в которой Маяковский со всей присущей ему бескомпромиссностью отстаивал принципы социалистического искусства, борьба, о которой он писал спустя пять лет в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным»: «устаешь отбиваться и огрызаться...».

Маяковский стремился донести поэму о Ленине до массового читателя, до партийной и рабочей аудитории, мнением которой дорожил. Однако первое издание поэмы вышло сравнительно небольшим тиражом — 10 000 экземпляров. (Для сравнения — поэма А. Безыменского «Комсомолия» была напечатана в 250 000 экземплярах). Неудивительно, что поэма Маяковского разошлась быстро, несмотря на относительно высокую цену издания.

Бывая в больших и малых городах Союза, Маяковский постоянно ощущал интерес к своей книге. Ее не хватало. «Есть ли в продаже Ваша поэма о Ленине? — получал он записки. — В ротовском Госиздате ее нет — где можно достать?» Среди собранных им и хранящихся в музее записок часто повторяется просьба: «Маяковский! Послушайте: почитайте из «Ленина». Не случайно, когда Маяковскому представилась возможность напечататься в дешевой «Универсальной библиотеке», он предложил в первую очередь издать поэму «Владимир Ильич Ленин». Эта небольшая книжка вышла в канун 10-й годовщины Октября тиражом 25 000 экземпляров.

С тех пор поэма Маяковского о Ленине была напечатана в нашей стране более 140 раз на 40 языках общим тиражом почти 6 миллионов экземпляров.

В. ТЕРЕХИНА,
старший методист Государственного музея В. В. Маяковского

Москва
● Обложка первого издания поэмы.
● Автограф поэмы В. Маяковского «В. И. Ленин». Записная книжка № 23.

«КРУГОМ РОДНЫЕ ВСЕ МЕСТА...»

15 октября — 170 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова

ПЕНЗЕНСКАЯ земля щедра на талантливых людей. Навсегда связаны с ней имена Радищева и Дениса Давыдова, Белинского и Лермонтова, Мейерхольда и Малышкина, многих других.

Сюда, в Пензу, не раз приезжала Е. А. Арсеньева, урожденная Столыпина, со своим внуком Мишелем Лермонтовым. До сего дня сохранился двухэтажный каменный особняк, где гостил будущий поэт. Пензенцы свято чтут память своего великого земляка. Они поставили поэту в городе один из первых в России памятников, назвали его именем улицу, библиотеку...

Автотрасса Пенза — Тамбов почти полностью совпадает со старинным трактом. Оставив позади новые проспекты и старые улочки Пензы, мы вырываемся на широкий простор загородной дороги. Слева и справа уходят в бескрайнюю даль холмы, желтеют скошенные низы, черным бархатом темнеют распаханное поля, упирающиеся в редкие перегибы. Вокруг неброская красота русской земли, которая не может оставить равнодушным. И начинаешь понимать, с чего начиналась Родина для поэта, источник его «странной» любви к отчизне. Впрочем, странной лишь для людей «света», «жадной толпой» стоящих у трона.

Не об этой ли дороге вспоминал Лермонтов, когда писал: «Проселочным путем люблю скакать в телеге и, взором медленным пронзая ночи тень, встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, дрожащие огни печальных деревень».

Конечно, облик деревни неузнаваемо изменился. Вместо курных изб с почерневшими соломенными крышами — веселые, обшитые вагонкой домики, крытые жезью и шифером, с непрерывной телеантенной. А вместо дрожащих огней лучины — залитые электрическим светом окна...

Село Лермонтово, бывшие Тарханы, — влево от автострасы. На его восточной окраине расположена старая арсеньевская усадьба. Через плотину Верхнего (Барского) пруда по обсаженной ветлами дороге проходим к большой зеленой поляне. В конце ее желтеет «высокий барский дом» с мезонином и белой деревянной колоннадой по фасаду. А в начале поляны, справа, выложен камнями фундамент. Это бывшие нарядные постройки — здесь были конюшни, сараи. Сегодня восстановлены лишь дом ключника да людская. Справа от барского дома выглядывает небольшая церковь. А за барским домом — господский парк и фруктовый сад. С трех сторон усадьбу окружает ожерелье прудов.

Вот здесь, слева от дома, стоял могучий вяз, на котором для маленького Мишеля устраивались качели. В 1941 году вяз был повален бурей.

Барский дом стоит на пригорке. Вниз от него идет крутой спуск, упирающийся в пруд. У самого пруда за железной оградой — дуб-великан. По преданию он посажен Лермонтовым. Влево и вправо, по самому обрезу воды, идет теннистая аллея, засаженная ивами и ветлами. Здесь, в этих аллеях, бродил темноволосый, с огромными карими глазами, одинокий и бледный мальчик. Помните, «к аллею темную вхожу я; сквозь кусты глядит вечерний луг, и желтые листья

шумят под робкими шагами».

Вот и сегодня, как и тогда, под ногами шумят желтые листья, и от звенящей тишины таинственной сени закрадывается в душу робость... Где-то здесь, «на склоне гор, близ вод», была у мальчика «беседка тайная», где он любил отдаваться мечтам. Может быть, это вот тут, где под разросшимися кустами акаций и сегодня видна круглая площадка, похожая на след от клумбы? Не от того ли она куста «преlestных роз», о котором вспоминал поэт? Ведь и сейчас рядом сидит отцветшего шиповника с алыми плодами. Только не нашел я «кругом черемухи млечной», чей аромат так памятен Лермонтову...

И мнится, будто остановилось время, и пруд у моих ног, как и во времена поэта неподвижен, покрытый зеленым ковром ряски.

Поворачиваю по прибрежной тропинке вправо, иду мимо дамбы, разделяющей пруды, мимо легкого деревянного мостика, ведущего в стоящий и поныне господский «круглый сад», и — снова изумрудный ковер пруда, густо заросшего камышом и осокой. Тропинка подымается в гору

и выводит на зеленый бугор со следами круглой траншеи. Это место детских игр Мишеля. Вспоминаю портрет семилетнего Лермонтова в красной курточке с золотым шитьем. Такие костюмчики велела пошить бабушка для деревенских сверстников поэта, и здесь на вершине бугра построена была крепостица со рвом и валом, которую с азартом штурмовали потешные солдатики во главе с будущим поручиком.

Спускаюсь с холма и по круто идущей вверх дорожке выхожу к домовою церкви. Она сооружена на месте, где первоначально стоял барский дом. Самоубийство мужа Арсеньевой, а через семь лет ранняя смерть дочери Марии Михайловны, матери поэта, не дожившей до 22 лет, заставили владелицу усадьбы посчитать место, где стоял дом, «проклятым богом». Повелев снести старый дом на слом, она поставила новый, чуть в стороне, там, где он стоит и ныне. А на «проклятом месте» построена была домовая церковь Марии Египетской в память умершей дочери. На церквушку, больше напоминающую большую часовню, выходит задний фасад барского дома с широким балконом. На него выходят окна и дверь двух комнат, которые занимал любимый внук. Отсюда, с балкона, открывался вид на село Тарханы. Жаль, что сегодня кроны разросшихся деревьев сада закрывают этот живописный ландшафт. Если с балкона взглянуть налево, увидишь высокие сосны — «современники» поэта. Аллея старых сосен ведет к фруктовому саду...

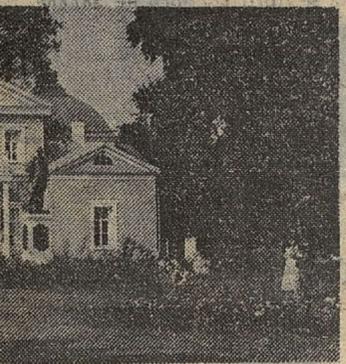
Детская комната Мишеля.

Здесь, на покрытом сукном полу, мальчик самозабвенно рисовал мелом и, по свидетельству друга детства и юности поэта С. А. Раевского, с радостью повторял слова в рифму: «кошка — окошко, «пол — стол». А ведь он еще только учился говорить!

Тарханские впечатления дали поэту материал для многих произведений. Как часто уносился он «памятью к недавней старине», где «кругом родные все места». Здесь черпал Лермонтов чистоту помыслов и радость счастливых мгновений.

В последний раз поэт приезжает в Тарханы под новый, 1838 год. Радости бабушки нет предела: «Дай бог всего лучшего, а я через 26 лет (после самоубийства мужа. — А. Ш.) первый раз встретила новый год в радости», — пишет Арсеньева своей знакомой.

В нижней опочивальне Арсеньевой в «красном углу» висит икона старинного письма «Спас нерукотворный», перед которым молилась бабушка о здравии любимого внука. Когда дошла до Тархан вест о гибели Михаила, в гневе приказала глубоко религиозная Арсеньева вынести ту икону

из дома, бросив горькие слова: «И я ли не молилась о здравии Мишеньки этому образу, а он все-таки его не спас».

После долгих и настойчивых хлопот Арсеньевой удалось получить «всемилостивейшее» разрешение перевезти останки внука в родовую усадьбу. 21 апреля 1842 года в уездном городке Чамбаре (ныне Белинск) при большом скоплении народа убитая горем Арсеньева встречала гроб с останками внука. А через два дня похоронили Лермонтова в фамильном склепе у деревенской церкви. Рядом с часовней, где покоился гроб поэта, повелела бабушка посадить дуб. Он и сегодня своей могучей кроной качается и шумит над местом вечного пристанища поэта.

То, что успел сделать Лермонтов, — навсегда с нами. И смерть его, как сказал поэт Ю. Разумовский, «с бессмертием схожа, где жизнь и слава — впереди. И не в Тарханах он положен, а у России на груди!».

А. ШЕР

● Дом в Тарханах с памятником М. Ю. Лермонтову.

Фото автора